

Спасибо, что скачали с сайта omarhajam.ru

Приятного чтения!

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

ПЕРЕВОД

О.Б. РУМЕР

На этой странице представлен 281 перевод стихов (рубаи) Омара Хайяма.

В тексте присутствуют пояснения и расшифровки имен, событий, названий и фактов того времени.
Все переводы рубаи О.Б. Румера можно бесплатно скачать одним файлом в удобном для вас формате по ссылке
<http://omarhajam.ru/rumer.html>

Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?

Лепящий черепа таинственный гончар
Особый проявил к сему искусству дар:
На скатерть бытия он опрокинул чашу
И в ней пылающий зажег страстей пожар.

Будь все добро мое кирпич один, в кружало
Его бы я отнес в обмен на полбокала.
Как завтра проживу? Продам чалму и плащ,
Ведь не святая же Мария их соткала.

Гора, вина хлебнув, и то пошла бы в пляс.
Глупец, кто для вина лишь клевету припас.
Ты говоришь, что мы должны вина чураться?
Вздор! Это дивный дух, что оживляет нас.

Как надоели мне несносные ханжи!
Вина подай, саки *, и, кстати, заложу
Тюрбан мой в кабаке и мой моленный коврик:
Не только на словах я враг всей этой лжи.

** Саки - Виночерпий, кравчий.*

Благоговейно чтят везде стихи корана *,
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.

** Коран - Священное писание мусульман, по легенде, ниспосланное Аллахом пророку Мухаммаду.
Коран делится на суры (главы), а суры - на аяты. своего рода ритмические единицы (стихи).*

Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух
Мять глину, бить, давать ей сотни оплеух,
Ведь этот влажный прах трепещущей был плотью,
Покуда жизненный огонь в нем не потух.

Знай, в каждом атоме тут, на земле, таится
Дышавший некогда кумир прекраснолицый.
Снимай же бережно пылинку с милых кос:
Прелестных локонов была она частицей.

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина - грешно.
Не стоит размышлять, мир этот стар иль молод:
Коль суждено уйти - не все ли нам равно?

- 2 -

О, если б, захватив с собой стихов диван *
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин, -
Мне позавидовать бы мог любой султан.

** Диван - Собрание стихов. Государственное собрание, сенат; департамент, министерство.*

Будь глух к ученому о божьей суесловью,
Целуй кумир, к его прильнувши изголовью.
Покуда кровь твою не пролил злобный рок,
Свой кубок наполняй бесценных гроздий кровью.

Кумир мой, вылепил тебя таким гончар,
Что пред тобой луна своих стыдится чар.
Другие к празднику себя пусть украшают,
Ты - праздник украшать собой имеешь дар.

Кумир мой - горшая из горьких неудач!
Сам ввергнут, но не мной, в любовный жар и плач,
Увы, надеяться могу ль на исцеленье,
Раз тяжко занемог единственный мой врач?

Ты сердце бедное мое, господь, помилуй,
И грудь, которую томит огонь постылый,
И ноги, что всегда несут меня в кабак,
И руку, что сжимать так любит кубок милый.

Растить в душе побег унынья - преступленье,
Пока не прочтена вся книга наслажденья.
Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увы! Летят ее мгновенья.

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами ланит хочу весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

День завтрашний - увы! - сокрыт от наших глаз!
Спешి использовать летящий в бездну час.
Пей, лунолика! Как часто будет месяц
Всходить на небосвод, уже не видя нас.

Лик розы освежен дыханием весны,
Глаза возлюбленной красой лугов полны,
Сегодня чудный день! Возьми бокал, а думы
О зимней стуже брось: они всегда грустны.

Друзья, бокал - рудник текучего рубина,
А хмель - духовная бокала сердцевина.
Вино, что в хрустале горит, - покровом слез
Едва прикрытая кровавая пучина.

Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
"Куда ведет меня череда ночей и дней?"

Не отрывая уст, ответила мне чаша:
"Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!"

Бокала полного веселый вид мне люб,
Звук арф, что жалобно при том звенит, мне люб,
Ханжа, которому чужда отрада хмеля, -
Когда он за сто верст, горами скрыт, - мне люб.

Разумно ль смерти мне страшиться? Только раз
Я ей взгляну в лицо, когда придет мой час.
И стоит ли жалеть, что я - кровавой слизи,
Костей и жил мешок - исчезну вдруг из глаз?

Призыв из кабака поднял меня от сна:
"Сюда, беспутные поклонники вина!
Пурпурной влагою скорей наполним чаши,
Покуда мера дней, как чаша, не полна".

Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина,
Но нынче, господи, я не даю зарока:
Могу ли я не пить, когда пришла весна?

Смотри: беременна душою плоть бокала,
Как если б лилия чревата розой стала.
Нет, это пригоршня текучего огня
В утробе ясного, как горный ключ, кристалла.

Влюбленный на ногах пусть держится едва.
Пусть у него гудит от хмеля голова.
Лишь трезвый человек заботами снедаем.
А пьяному ведь все на свете трын-трава.

Мне часто говорят: "Поменьше пей вина!
В том, что ты пьянствуешь, скажи нам, чья вина?"
Лицо возлюбленной моей повинно в этом:
Я не могу не пить, когда со мной она.

В бокалы влей вина и песню затяни нам,
Свой голос примешав к стенаньям соловьиным!
Без песни пить нельзя, - ведь иначе вино
Нам разливалось бы без бульканья кувшином.

Запрет вина - закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить - признак мудрости, а не порок совсем.

Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?
Кто сотню лет иль день велит нам жить с тоской?
Так лей вино в бокал, покуда сам не стал ты
Посудой глиняной в гончарной мастерской.

Налей, хоть у тебя уже усталый вид,
Еще вина: оно нам жизнь животворит,
О мальчик, поспеши! Наш мир подобен сказке,
И жизнь твоя, увы, без усталости бежит.

Пей, ибо скоро в прах ты будешь обращен
Без друга, без жены твой долгий будет сон.
Два слова на ухо сейчас тебе шепну я:
"Когда тюльпан увял, расцвести не может он".

Все те, что некогда, шумя, сюда пришли
И обезумели от радостей земли, -
Пригубили вина, потом умолкли сразу
И в лоно вечного забвения легли.

Я к гончару зашел: он за комком комок
Клал глину влажную на круглый свой станок:
Лепил он горлышки и ручки для сосудов
Из царских черепов и из пастушьих ног.

Пускай ты прожил жизнь без тяжких мук, - что дальше?
Пускай твой жизненный замкнулся круг, - что дальше?
Пускай, блаженствуя, ты проживешь сто лет
И сотню лет еще, - скажи, мой друг, что дальше?

Приход наш и уход загадочны, - их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?

Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет,
Будь падишахом ты иль нищим на базаре, -
Цена тебе одна: для смерти санов нет.

Ты видел мир, но все, что ты видал, - ничто.
Все то, что говорил ты и слышал, - ничто.

Итог один, весь век ты просидел ли дома,
Иль из конца в конец мир исшагал, - ничто.

От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита:
И с нищим, и с царем она равно крута.
Чтоб с наслажденьем жить, живи для наслажденья,
Все прочее - поверь! - одна лишь суета.

- 5 -

Где высился чертог в далекие года
И проводила дни султанов череда,
Там ныне горлица сидит среди развалин
И плачет жалобно: "Куда, куда, куда?"

Я утро каждое спешу скорей в кабак
В сопровождении товарищей-гуляк.
Коль хочешь, господи, сдружить меня с молитвой,
Мне веру подари, святой податель благ!

Моей руке держать кувшин вина - отрада;
Священных свитков ей касаться и не надо:
Я от вина промок; не мне, ханжа сухой,
Не мне, а вот тебе опасно пламя ада.

Нас, пьяниц, не кори! Когда б господь хотел,
Он ниспослал бы нам раскаянье в удел.
Не хвастай, что не пьешь - немало за тобою,
Приятель, знаю я гораздо худших дел.

Блуднице шейх * сказал: "Ты, что ни день, пьяна,
И что ни час, то в сеть другим завлечена!"
Ему на то: "Ты прав: но ты-то сам таков ли,
Каким всем кажешься?" - ответила она.

** Шейх - Старец, наставник; глава суфийской общины.*

За то, что вечно пьем и в опьяненье пляшем,
За то, что почести оказываем чашам,
Нас не кори, ханжа! мы влюблены в вино,
И милые уста всегда к услугам нашим.

Над краем чаши мы намазы * совершаем,
Вином пурпуровым свой дух мы возвышаем;

Часы, что без толку в мечетях провели,
Отныне в кабаке наверстывать решаем.

** Намаз - Молитвенный обряд у мусульман, комплекс определенных движений, поклонов и молитв, совершаемых пять раз в сутки.*

Ужели бы гончар им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут!

Небесный свод жесток и скуп на благодать,
Так пей же и на трон веселия воссядь.
Пред господом равны и грех и послушанье,
Бери ж от жизни все, что только можешь взять.

День каждый услаждай вином, - нет, каждый час:
Ведь может лишь оно мудрее сделать нас,
Когда бы некогда Иблис * вина напился,
Перед Адамом он склонился б двести раз.

** Иблис - Сатана, дьявол, злой дух.*

Согласно легенде, первоначально - ангел, который был проклят за отказ преклоняться перед Адамом.

- 6 -

Мудрец приснился мне. "Веселья цвет пригожий
Во сне не расцветет, - мне молвил он, - так что же
Ты предаешься сну? Пей лучше гроздий сок,
Успеешь выспаться, в сырой могиле лежа".

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней,

От страха смерти я, - поверьте мне, - далек:
Страшнее жизни что мне приготовил рок?
Я душу получил на подержанье только
И возвращу ее, когда наступит срок.

С тех пор, как на небе Венера и Луна,
Кто видел что-нибудь прекраснее вина?
Дивлюсь, что продают его виноторговцы:

Где вещь, что ценностью была б ему равна?

Твои дары, о жизнь, - унынье и туга;
Хмельная чаша лишь одна нам дорога.
Вино ведь - мира кровь, а мир - наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь кровного врага?

Поток вина - родник душевного покоя
Врачует сердце он усталое, больное.
Потоп отчаянья тебе грозит? Ищи
Спасение в вине: ты с ним в ковчеге Ноя.

Венец с главы царя, корону богдыханов*
И самый дорогой из пресвятых тюрбанов
За песнь отдал бы я, на кубок же вина
Я б четки променял, сию орду обманов.

** Богдыхан - Император Китая.*

Не зарекайся пить бесценных гроздий сок,
К себе раскаянье тыпустишь на порог.
Рыдают соловьи, и расцветают розы...
Ужели в час такой уместен твой зарок?

Друг, в нищете своей отдай себе отчет!
Ты в мир ни с чем пришел, могила все возьмет.
"Не пью я, ибо смерть близка", - мне говоришь ты;
Но пей ты иль не пей - она в свой час придет.

Тревога вечная мне не дает вздохнуть,
От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз - без меня ль, со мной ли -
Все так же он вершит свой непонятный путь?

- 7 -

Водой небытия зародыш мой вспоен,
Огнем страдания мой мрачный дух зажжен;
Как ветер, я несусь из края в край вселенной
И горсточкой земли окончу жизни сон.

Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая - на коране*.

И так вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.

* Коран - Священное писание мусульман, по легенде, ниспосланное Аллахом пророку Мухаммаду. Коран делится на суры (главы), а суры - на аяты, своего рода ритмические единицы (стихи).

Из всех, которые ушли в тот дальний путь,
Назад вернулся ли хотя бы кто-нибудь?
Не оставляй добра на перекрестке этом:
К нему возврата нет, - об этом не забудь.

Нам с гуриями* рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно придем?

* Гурия - Райская дева; красавица. (от арабс. "черноокая")

От вешнего дождя не стало холодней;
Умыло облако цветы, и соловей
На тайном языке взывает к бледной розе:
"Красавица, вина пурпурного испей!"

Вы говорите мне: "За гробом ты найдешь
Вино и сладкий мед. Кавсер* и гурий***". Что ж,
Тем лучше. Но сейчас мне кубок поднесите:
Дороже тысячи в кредит - наличный грош.

* Кавсар (Ковсар, Кавсер) - Легендарный райский источник, дно которого якобы выложено жемчугом, вода белее молока, свежее снега, слаще сахара и ароматнее мускуса.

** Гурия - Райская дева; красавица. (от арабс. "черноокая")

В тот час, как свой наряд фиалка расцветит
И ветер утренний в весенний сад влетит,
Блажен, кто сядет пить вдвоем с сереброгрудой
И разобьет потом бокал о камень плит.

Я пьяным встретил раз пред дверью кабака
С молельным ковриком и кубком старика;
Мой изумленный взор заметив, он воскликнул:
"Смерть ждет нас впереди, давай же пить пока!"

Сей жизни караван не мешкает в пути:
Повеселившись чуть, мы прочь должны уйти.
О том, что завтра ждет товарищей, не думай,
Неси вина сюда, - уж рассвело почти.

Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
В десятом кубке прок, ей-ей же, не велик:

Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

- 8 -

Увы, от мудрости нет в нашей жизни прока,
И только круглые глупцы - любимцы рока.
Чтоб ласковой ко мне был рок, подай сюда
Кувшин мутящего нам ум хмельного сока!

Один Телец* висит высоко в небесах,
Другой своим хребтом поддерживает прах.
А меж обоими тельцами, - поглядите, -
Какое множество ослов пасет аллах**!

* Телец - Созвездие, Телец под землею - бык, на котором, по мусульманским поверьям, держится земля. Ослы или овцы меж тельцами - люди.

** Аллах - Имя бога в мусульманской религии.

Общаясь с дураком, не оберешься срама,
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен льстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

О чадо четырех стихий, внимли ты вести
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты;
Все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе.

Прославься в городе - возбудишь озлобленье,
А домоседом стань - возбудишь подозренье,
Не лучше ли тебе, хотя б ты Хызром* был,
Ни с кем не знаться, жить всегда в уединеньи?

* Хызр - Таинственный чудотворец в мусульманских легендах, отождествляемый с пророком Ильей; хранитель источника "живой воды".

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол;
Но как-то невзначай забыл про омовенье,
Глоток вина хлебнул - и прахом пост пошел.

Молитвы побоку! Избрав благую часть,
В беспутство прежнее решил я снова впасть
И, шею вытянув, как горлышко сосуда,
К сосудам кабака присасываюсь всласть.

Мы пьем не потому, что тянемся к веселью,
И не разнузданность себе мы ставим целью.
Мы от самих себя хотим на миг уйти
И только потому к хмельному склонны зелью.

Ко мне ворвался ты, как ураган, господь,
И опрокинул мне с вином стакан, господь!
Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
Гром разрази меня, коль ты не пьян, господь!

- 9 -

Скорее пробудись от сна, о мой саки *!
Налей пурпурного вина, о мой саки *!
Пока нам черепа не превратили в чаши,
Пусть будет пара чаш полна, о мой саки *!

* Саки (соки) - Виночертий, кравчий.

Огню, сокрытому в скале, подобен будь,
А волны смерти все ж к тебе разыщут путь.
Не прах ли этот мир? О, затяни мне песню!
Не дым ли эта жизнь? Вина мне дай хлебнуть!

Усами я мету кабацкий пол давно,
Душа моя глуха к добру и злу равно.
Обрушья мир, - во сне хмельном пробормочу я:
"Скатилось, кажется, ячменное зерно".

Сей мир, в котором ты живешь, - мираж, не боле,
Так стоит ли роптать и жаждать лучшей доли?
С мученьем примиришь и с роком не воюй:
Начертанное им стереть мы в силах, что ли?

Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
В загадку бытия... к чему, мой друг, все это?
Ночей и дней часы беспечно проводи,

Ведь все устроено без твоего совета.

Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад, сверкал
Средь роз смеющихся смеющийся бокал,
И, подлетев ко мне, певец любви на тайном
Наречии: "Лови мгновение!" - сказал.

Мне чаша чистого вина всегда желанна,
И стоны нежных флейт я б слушал неустанно.
Когда гончар мой прах преобразит в кувшин,
Пускай наполненным он будет постоянно.

Увы, нас вычеркнет из книги жизни рок,
И смертный час от нас, быть может, недалек.
Не медли же, саки*, неси скорее влагу,
Чтоб ею оросить наш прах ты завтра мог.

** Саки (соки) - Виночертий, кравчий.*

Доколе будешь нас корить, ханжа ты скверный,
За то, что к кабаку горим любовью верной?
Нас радуют вино и милая, а ты
Опутан четками и ложью лицемерной.

Поменьше размышляй о зле судьбины нашей,
С утра до вечера не расставайся с чашей,
К запретной дочери лозы присядь, - она
Своей дозволенной родительницы краше.

- 10 -

Охотно платим мы за всякое вино,
А мир? Цена ему - ячменное зерно.
"Окончив жизнь, куда уйдем?" Вина налей мне
И можешь уходить, - куда, мне все равно.

С друзьями радуйся, пока ты юн, весне:
В кувшине ничего не оставляй на дне!
Ведь был же этот мир водой когда-то залит,
Так почему бы нам не утонуть в вине?

Отречься от вина? Да это все равно,
Что жизнь свою отдать! Чем возместишь вино?

Могу ль я сделаться приверженцем ислама,
Когда им высшее из благ запрещено?

На мир - пристанище немногих наших дней -
Я долго устремлял пытливый взор очей.
И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц;
Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямой.

Чье сердце не горит любовью страстной к милой, -
Без утешения влачит свой век унылый.
Дни, проведенные без радостей любви,
Считаю тяготой ненужной и постылой.

Скажи, за что меня преследуешь, о небо?
Будь камни у тебя, ты все их слало мне бы.
Чтоб воду получить, я должен спину гнуть,
Бродяжить должен я из-за краюхи хлеба.

Богатством, - слова нет, - не заменить ума,
Но неимущему и рай земной - тюрьма.
Фиалка нищая склоняет лик, а роза
Смеется: золотом полна ее сума.

Тому, на чьем столе надтреснутый кувшин
Со свежею водой и только хлеб один,
Увы, приходится пред тем, кто ниже, гнуться
Иль называть того, кто равен, "господин".

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть!
Тогда благословить за счастье можно б небо.

На чьем столе вино, и сладости, и плов?
Сырого неуча. Да, рок - увы - таков!
Турецкие глаза - красивейшие в мире -
Находим у кого? Обычно у рабов.

Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они - рабы имен. Составь себе лишь имя,

И ползать пред тобой любой из них готов.

О небо, я твоим вращеньем утомлен,
К тебе без отклика возносится мой стон.
Невежд и дурней лишь ты милуешь, - так знай же:
Не так уже я мудр, не так уж просвещен.

Напрасно ты винишь в непостоянстве рок;
Что не внакладе ты, тебе и невдомек.
Когда б он в милостях своих был постоянен,
Ты б очереди ждать своей до смерти мог.

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Чтоб счастье испытать, вина себе налей,
День нынешний презри, о прошлых не жалея,
И цепи разума хотя б на миг единый,
Тюремщик временный, сними с души своей.

Мне свят веселый смех иль пьяная истома,
Другая вера мне иль ересь незнакома.
Я спрашивал судьбу: "Кого же любишь ты?"
Она в ответ: "Сердца, где радость вечно дома".

Пусть не томят тебя пути судьбы проклятой,
Пусть не волнуют грудь победы и утраты.
Когда покинешь мир - ведь будет все равно,
Что делал, говорил, чем запятнал себя ты.

День завтрашний от нас густою мглой закрыт,
Одна лишь мысль о нем пугает и томит.
Летучий этот миг не упускай! Кто знает,
Не слезы ли тебе грядущее сулит?

Что б ты ни делал, рок с кинжалом острым - рядом,
Коварен и жесток он к человеческим чадам.
Хотя б тебе в уста им вложен пряник был, -
Смотри, не ешь его, - он, верно, смешан с ядом.

О, как безжалостен круговорот времен!
Им ни одни из всех узлов не разрешен:
Но, в сердце чьем-нибудь едва заметив рану,
Уж рану новую ему готовит он.

Под этим небом жизнь - терзаний череда,
А сжалится ль оно над нами? Никогда.
О нерожденные! Когда б о наших муках
Вам довелось узнать, не шли бы вы сюда.

Мужи, чьей мудростью был этот мир пленен,
В которых светочей познания видел он,
Дороги не нашли из этой ночи темной,
Посуесловили и погрузились в сон.

Мне так небесный свод сказал: "О человек,
Я осужден судьбой на этот страшный бег.
Когда б я властен был над собственным вращеньем,
Его бы я давно остановил навек".

Мы чистыми пришли, - с клеймом на лбах уходим,
Мы с миром на душе пришли, - в слезах уходим,
Омытую водой очей и кровью жизнь
Пускаем на ветер и снова в прах уходим.

Когда б в желаниях я быть свободным мог
И власть бы надо мной утратил злобный рок,
Я был бы рад на свет не появляться вовсе,
Чтоб не было нужды уйти чрез краткий срок.

Однажды встретился пред старым пепелищем
Я с мужем, жившим там отшельником и нищим;
Чуждался веры он, законов, божества:
Отважнее его мы мужа не отыщем.

Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой!
Мне лжи, бездушия и подлости отстой
Довольно подливать! Поистине, из кубка
Готов я выплеснуть напиток горький твой.

О сердце, твой удел, - вовек, не зная сна,
Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?

Кого из нас не ждет последний, Страшный суд,
Где мудрый приговор над ним произнесут?
Предстанем же в тот день, сверкая белизною:
Ведь будет осужден весь темноликий люд.

Кто в тайны вечности проник? Не мы, друзья,
Осталась темной нам загадка бытия,
За пологом про "я" и "ты" порою шепчут,
Но полог упадет - и где мы, ты и я?

- 13 -

Никто не лицезрел ни рая, ни геенны;
Вернулся ль кто-нибудь оттуда в мир ваш тленный?
Но эти призраки бесплотные - для нас
И страхов и надежд источник неизменный.

Для тех, кто искушен в коварстве нашей доли,
Все радости и все мученья не одно ли?
И зло и благо нам даны на краткий срок, -
Лечиться стоит ли от мимолетной боли?

Ты знаешь, почему в передрагсветный час
Петух свой скорбный клич бросает столько раз?
Он в зеркале зари увидеть понуждает,
Что ночь - еще одна - прошла тайком от нас.

Небесный круг, ты - наш извечный супостат!
Нас обездоливать, нас истязать ты рад.
Где б ни копнуть, земля, в твоих глубинах, - всюду
Лежит захваченный у нас бесценный клад.

Ответственность за то, что краток жизни сон,
Что ты отрадою земною обделен,
На бирюзовый свод не возлагай угрюмо:
Поистине, тебя беспомощнее он.

Свод неба, это - горб людского бытия,
Джейхун* - кровавых слез ничтожная струя,
Ад - искра из костра безвыходных страданий,
Рай - радость краткая, о человек, твоя!

Мне без вина прожить и день один - страданье.
Без хмеля я с трудом влачу существованье.
Но близок день, когда мне чашу подадут,
А я поднять ее не буду в состоянье.

Ты, книга юности, дочитана, увы!
Часы веселия, навек умчались вы!
О птица-молодость, ты быстро улетела,
Ища свежей лугов и зеленой листвы.

Недолог розы век: чуть расцвела - увяла,
Знакомство с ветерком едва свела - увяла.
Недели не прошло, как родилась она,
Темницу тесную разорвала - увяла.

Лишь на небе рассвет займется еле зримый,
Тяни из чаши сок лозы неоценимой!
Мы знаем: истина в устах людей горька, -
Так, значит, истиной вино считать должны мы.

- 14 -

Прочь мысли все о том, что мало дал мне свет
И нужно ли бежать за наслажденьем вслед?
Подай вина, саки*! Скорей, ведь я не знаю,
Успею ль, что вдохнул, я выдохнуть иль нет.

** Саки (соки) - Виночертий, кравчий.*

С тех пор, как отличать я руки стал от ног,
Ты руки мне связал, безмерно подлый рок,
Но взыщешь и за дни, когда мне не сверкали
Ни взор красавицы, ни пьяных гроздий сок.

Наполнил зернами бессмертный Ловчий сети,
И дичь попала в них, польстясь на зерна эти.
Назвал он эту дичь людьми и на нее
Взвалил вину за зло, что сам творит на свете.

Раз божьи и мои желанья несходны,
Никак не могут быть мои богоугодны,

Коль воля господа блага, то от грехов
Мне не спастись, увы, - усилия бесплодны.

Хоть мудрый шариат * и осудил вино,
Хоть терпкой горечью пропитано оно, -
Мне сладко с милой пить. Недаром говорится:
"Мы тянемся к тому, что нам запрещено".

** Шариат - Совокупность правовых и религиозных норм мусульманства. Основные положения шариата зафиксированы в Коране, однако значительная часть шариата является результатом интерпретации Корана различными мусульманскими авторитетами.*

Я дня не провожу без кубка иль стакана,
Но нынешнюю ночь святую Рамазана *
Хочу - уста к устам и грудь прижав к груди -
Не выпускать из рук возлюбленного жбана.

** Рамазан (рамадан) - Девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.*

Обета трезвости не даст, кому вино -
Из благ сладчайшее, кому вся жизнь оно.
Кто в Рамазане * дал зарок не пить, - да будет,
Хоть не свершать намаз ** ему разрешено.

** Рамазан (рамадан) - Девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.*

*** Намаз - Молитвенный обряд у мусульман, комплекс определенных движений, поклонов и молитв, совершаемых пять раз в сутки.*

Владыкой рая ли я вылеплен иль ада,
Не знаю я, но знать мне это и не надо:
Мой ангел, и вино, и лютня здесь, со мной,
А для тебя они - загробная награда.

Налей вина, саки *! Тоска стесняет грудь:
Не удержать нам жизнь, текучую, как ртуть.
Не медли! Краток сон дарованного счастья.
Не медли! Юности, увы, недолог путь.

** Саки (соки) - Виночертий, кравчий.*

Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты,
Чтоб не прибавил рок и хмеля маеты;
Не можешь посолить ломоть ржаного хлеба,
Чтоб не задели ран соленые персты.

Сказала роза: "Ах, на розовый елей
Краса моя идет, которой нет милей!" -
"Кто улыбался миг, тот годы должен плакать", -
На тайном языке ответил соловей.

На происки судьбы злокозненной не сетуй,
Не утопай в тоске, водой очей согретой!
И дни и ночи пей пурпурное вино,
Пока не вышел ты из круга жизни этой.

Трава, которую - гляди!- окаймлена
Рябь звонкого ручья, - душиста и нежна.
Ее с презрением ты не топчи: быть может,
Из праха ангельской красоты возшла она.

Фаянсовый кувшин, от хмеля как во сне,
Недавно бросил я о камень; вдруг вполне
Мне внятным голосом он прошептал: "Подобен
Тебе я был, а ты подобен будешь мне".

Вчера в гончарную зашел я в поздний час,
И до меня горшков беседа донеслась.
"Кто гончары, - вопрос один из них мне задал, -
Кто покупатели, кто продавцы среди нас?"

Когда, как деревцо, меня из бытия
С корнями вырвет рок и в прах рассыплюсь я,
Кувшин для кабака пусть вылепят из праха, -
Наполненный вином, я оживу, друзья.

Нам жизнь навязана; ее водоворот
Ошеломляет нас, но миг один - и вот
Уже пора уйти, не зная цели жизни,
Приход бессмысленный, бессмысленный уход!

То слышу я: "Не пей, сейчас у нас Шабан **",
А то: "Реджеб ** идет, не напивайся пьян".
Пусть так: то месяцы аллаха *** и пророка;
Что ж, изберу себе для пьянства Рамазан ****.

** Шабан - Восьмой месяц мусульманского лунного года.*

*** Реджеб (Реджеб) - Седьмой месяц мусульманского лунного года.*

**** Аллах - Имя бога в мусульманской религии.*

***** Рамазан (рамадан) - Десятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.*

Когда ты для меня слепил из глины плоть,
Ты знал, что мне страстей своих не побороть;
Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?

Скажи, за что же мне гореть в аду, господь?

Ты к людям милосерд? Да нет же, непохоже!
Изгнал ты грешника из рая отчего же?
Заслуга велика ль послушного простить?
Прости ослушника, о милосердный боже!

- 16 -

Когда-нибудь, огнем любовным обуян,
В душистых локонах запутавшись и пьян,
Паду к твоим ногам, из рук роняя чашу
И с пьяной головы растрепанный тюрбан.

Шабан* сменяется сегодня Рамазаном**, -
Расстаться надобно с приятелем-стаканом.
Я пред разлукой так в последний раз напьюсь,
Что буду месяц весь до разговенья пьяным.

** Шабан - Восьмой месяц мусульманского лунного года.*

*** Рамазан (рамадан) - Девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.*

Хоть я и пьяница, о муфтий* городской,
Степенен все же я в сравнении с тобой;
Ты кровь людей сосешь, - я лоз. Кто кровожадней:
Я или ты? Скажи, не покриви душой!

** Муфтий - Толкователь шариата; законовед, главный судья, выносящий решения на основании шариата, свода религиозных правил.*

Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами,
Плащи ханжей святых пускай охватит пламя,
Клочки почтенных ряс из шерсти голубой
Пускай волочатся под пьяными ногами!

Что я дружу с вином, не отрицаю, нет,
Но справедливо ли хулишь меня, сосед?
О, если б все грехи рождали опьяненье!
Тогда бы слышали мы только пьяный бред.

Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду
Смиренья образцом всему честному люду;
Затем, смесив мой прах с пурпуровым вином,
Покрышку вылепить к кабацкому сосуду.

Дух рабства кроется в кумирне * и в Каабе **,
Трезвон колоколов - язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

* Кумирня - Храм, в котором установлено изображение божества (кумир). Мусульманская традиция не допускает изображения бога. Обычно, под кумирней подразумевается христианский храм.

** Кааба - Храм в Мекке, главная святыня мусульман, место паломничества. Где бы мусульманин не находился, молитву он совершает повернувшись лицом в сторону Каабы.

Бушуют в келиях, мечетях и церквах,
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.

Не прав, кто думает, что бог неумолим.
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки, -
Сей грех он через год простит костям твоим.

В глуби небес - бокал, невидимый для глаз:
Он уготован там для каждого из нас.
Поэтому, мой друг, к его краям устами
Прильни безропотно, когда придет твой час.

- 17 -

Что плоть твоя, Хайям? Шатер, где на ночевку,
Как странствующий шах, дух сделал остановку.
Он завтра на заре свой путь возобновит,
И смерти злой фарааш * свернет шатра веревку.

* Фарааш (ферраш) - Слуга, расстилающий молитвенный коврик.

Цветам и запахам владеть тобой доколе?
Доколь добру и злу твой ум терзать до боли?
Ты хоть Земземом * будь, хоть юности ключом, -
В прах должен ты уйти, покорен общей доле.

* Земзем (Замзам) - Название колодца в Мекке, около храма. Вода этого колодца считается верующими святой и обладающей чудотворной, целительной силой.

Не унывай, мой друг! До месяца благого
Осталось мало дней, - вас оживит он снова,
Кривится стан луны, бледнеет лик его, -
Она от мук поста сойти на нет готова.

Чем омываться нам, как не вином, друзья?
Мила нам лишь в кабаке ведущая стезя.
Так будем пить! Ведь плащ порядочности нашей
Изодран, заплатать его уме нельзя.

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
Не обходись и дня без песни и вина;
На землю выливай из полной чаши каплю,
А после этого всю осушай до дна.

Пусть пьяницей сльву, гулякой невозможным,
Огнепоклонником, язычником безбожным, -
Я, верен лишь себе, не придаю цены
Всем этим прозвищам - пусть правильным, пусть ложным.

Коль ты мне друг, оставь словесную игру
И мне вина налей; когда же я умру,
Из праха моего слепив кирпич, снеси ты
Его в кабаке и там заткни в стене дыру.

Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой.
А сколько кирпичей засушат надмогильных
Из праха нашего уж через год-другой!

Про вечность и про тлен оставим разговор,
В потоке мыслей я почувствовал затор,
Что может заменить вино в часы веселья?
Мгновенно перед ним стихает всякий спор.

Хочу упиться так, чтоб из моей могилы,
Когда в нее сойду, шел винный запах милый,
Чтоб вас он опьянял и замертво валил,
Мимоидущие товарищи-кутилы!

- 18 -

Упиться торопись вином: за шестьдесят
Тебе удастся ли перевалить? Наверяд.
Покуда череп твой в кувшин не превратили,
Ты с кувшином вина не расставайся, брат.

Сегодня пятница: поэтому смени
На чашу кубок твой, а ежели все дни
И так из чаши пьешь, удвой ее сегодня:
Священный этот день особо помяни!

Полету ввысь, вино, ты учишь души наши,
С тобой, как с родинкой, красавец Разум краше.
Мы трезво провели весь долгий Рамазан *, -
Вот наконец Шавваль **. Наполни, кравчий, чаши!

** Рамазан (рамадан) - Девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.*

*** Шавваль (шавваль) - Десятый месяц мусульманского лунного года, следующий месяц после рамазана - месяца поста.*

Шавваль * пришел. Вино, глушителя забот,
Пусть виночерпий нам по чашам разольет.
Намордник строгого поста, узду намазов **
С ослиных этих морд благой Шавваль * сорвет.

** Шавваль (шавваль) - Десятый месяц мусульманского лунного года, следующий месяц после рамазана - месяца поста.*

*** Намаз - Молитвенный обряд у мусульман, комплекс определенных движений, поклонов и молитв, совершаемых пять раз в сутки.*

Когда бываю трезв, не мил мне белый свет,
Когда бываю пьян, впадает разум в бред.
Лишь состояние меж трезвостью и хмелем
Ценю я, - вне его для нас блаженства нет.

У мира я в плену, - я это вижу ясно:
Своею тягочусь природою всечасно.
Ни тот, ни этот мир постичь я не сумел, -
Пытливый разум свой я напрягал напрасно.

Скудеет в жилах кровь, скудеют наши силы;
Ах, мало ли сердец убил ты, рок постылый!
Кто в дальний путь ушел, тот навсегда исчез,
Нам некого спросить о крае за могилой.

Унылых осеней прошел над нами ряд,
И нашей жизни дни развеял листопад.
Пей! Ведь сказал мудрец, что лишь вина дурманом
Мы можем одолеть тоски душевной яд.

Саки *, тоска моя кричит в припадке яром.
Чем излечить ее, как не хмельным угаром?
Седая борода мне не мешает пить:
Твое вино весну рождает в сердце старом.

** Саки (соки) - Виночерпий, кравчий.*

Когда б я отравил весь мир своею скверной -
Надеюсь, ты б меня простил, о милосердный!
Но ты ведь обещал в нужде мне руку дать:
Не жди, чтоб сделалась нужда моя безмерной.

- 19 -

Когда от жизненных освобожусь я пут
И люди образ мой забвенью предадут,
О, если бы тогда - сказать ли вам? - для пьяниц
Из праха моего был вылеплен сосуд!

Когда б ты жизнь постиг, тогда б из темноты
И смерть открыла бы тебе свои черты.
Теперь ты сам в себе, а ничего не знаешь, -
Что ж будешь знать, когда себя покинешь ты?

Вплоть до Сатурна я обрыскал божий свет.
На все загадки в нем сумел найти ответ,
Сумел преодолеть все узы и преграды,
Лишь узел твой, о смерть, мной не распутан, нет.

Учению не один мы посвятили год,
Потом других учить пришел и нам черед.
Какие ж выводы из этой всей науки?
Из праха мы пришли, нас ветер унесет.

Умом ощупал я все мирозданья звенья,
Постиг высокие людской души паренья,
И, несмотря на то, уверенно скажу:
Нет состояния блаженней опьяенья.

Джемшида * чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил, - в моей душе она.

* Джемшид (Джам, Джемшид) - имя легендарного древнеиранского царя, обладавшего чашей, на дне которой отражались события, происходящие в мире. В поэзии - символ величия и власти. "Чаша Джемшида" - символ мудрости.

Пришел он, моего жизнекрушенья час;
Из темных волн, увы, я ничего не спас!
Джемшида * кубок я, но миг - и он разбился;
Я факел радости, но миг - и он погас.

Палаток мудрости нашивший без числа,
В горнило мук упав, сгорел Хайям дотла.
Пресеклась жизни нить, и пепел за бесценок
Надежда, старая торговка, продала.

Когда вы за столом, как тесная семья,
Опять усядетесь, - прошу вас, о друзья,
О друге вспомнить и опрокинуть чашу
На месте, где сидел средь вас, бывало, я.

Когда вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
"За что же ты меня убил, владыка вечный?"

- 20 -

Когда пустился в бег золотой небесный свод?
Когда поглотит смерть все, что под ним живет?
На это дать ответ людской не в силах разум:
Бесчисленным векам он потеряет счет.

Как много было зорь и сумерек до нас!
Недаром небесам кружиться дан приказ.
Будь осторожнее, ступню на землю ставя,
Повсюду чей-нибудь прекрасный тлеет глаз.

Цветочек вывел ли из почвы рок хоть раз,
Чтоб не сломить его, не растоптать тотчас?
Когда бы облака, как влагу, прах копили -
Из них бы милых кровь без устали лилась.

Когда б я властен был над этим небом злым,
Я б сокрушил его и заменил другим,
Чтоб не было преград стремленьям благородным
И человек мог жить, тоскою не томим.

Блажен, кто на ковре сверкающего луга,
Пред кознями небес не ведая испуга,

Потягивает сок благословенных лоз
И гладит бережно душистый локон друга.

Пришла весна! Гляди, леса - все зеленее
Сверкают на ветвях ладони Моисея,
Пестрят в лугах цветы, светясь, как Иисус,
И облака плывут, на землю слезы сея.

Не ставь ты дураку хмельного угощенья,
Чтоб оградить себя от чувства отвращенья:
Напившись, криками он спать тебе не даст,
А утром надоест, прося за то прощенья.

Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд:
Кавсер* течет, в эдем** вдруг превратился сад.
На райскую траву сядь с гуриеподобной***
И торопись вкусить от неземных услад.

* Кавсар (Ковсар, Кавсер) - Легендарный райский источник, дно которого якобы выложено жемчугом, вода белее молока, свежее снега, слаще сахара и ароматнее мускуса.

** Эдем - Рай. Благодатный уголок земли.

*** Гурия - Райская дева; красавица. (от арабс. "чернокожая")

В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть,
Одна лишь мысль о нем стесняет мукой грудь.
Кто знает, много ль дней тебе прожить осталось?
Не трать их попусту, благоразумен будь.

Ты перестань себя держать в такой чести,
О бренности того, что дышит, не грусти!
Пей! Жизнь, которая идет навстречу смерти,
Не лучше ли во сне иль в пьянстве провести?

Пей! Будет много мук, пока твой век не прожит.
Стечение планет не раз людей встревожит;
Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи
И кто-нибудь себе из них хоромы сложит.

Гляжу на землю я и сном объятых вижу;
Взираю в глубь земли - землею взятых вижу;
В твою, небытие, пустыню взор вперив, -
Тех, кто ушли уже, и не зачатых вижу.

С вином и розами я шествовал доселе,
Не привели они меня к желанной цели.
Однако в сторону я не сверну: друзей
Бросать на полпути пристойно ль, в самом деле?

Кирпич на кувшине короны Джама * краше,
И яства Мариам ** - ничто пред винной чашей;
Мне вздох из пьяных уст милей стократ, чем все,
Адхам *** и Бу-Саид ****, святые стоны ваши.

** Джамишд (Джам, Джемшид) - Имя легендарного древнеиранского царя, обладавшего чашей, на дне которой отражались события, происходящие в мире. В поэзии - символ величия и власти. "Чаша Джамишда" - символ мудрости.*

*** Мариам (Марьям) - Мать Иисуса, евангельская Мария. Вместе с Иисусом Христом признается мусульманской религией святой.*

**** Адхам Ибрагим - Суфийский шейх.*

***** Абу-Саид (Абу-Сеид, Бу-Саид) - Суфийский шейх, автор мистических четверостиший. Его стихи стали молитвами и гимнами.*

Смотри: беременна душою плоть бокала,
Как если б лилия чревата розой стала.
Нет, это пригоршня текущего огня
В утробе ясного, как горный ключ, кристалла.

Вино питает мощь равно души и плоти,
К сокрытым тайнам ключ вы только в нем найдете.
Земной и горний мир, до вас мне дела нет!
Вы оба пред вином ничто в конечном счете.

Меня, когда умру, вы соком лоз омойте,
И над могилою хвалу вину пропойте.
Где в Судный день мой прах искать, я вам скажу:
Сады, вокруг кабаков цветущие, разroyте.

Как полон я любви, как чуден милой лик,
Как много я б сказал и как мой нем язык!
Не странно ль, Господи? От жажды изнываю,
А тут же предо мной течет живой родник.

Аллахом * нам в раю обещано вино,
А стало быть, и здесь дозволено оно.
Тому арабу лишь, который изувечил
Верблюда у Хамзы **, оно запрещено.

** Аллах - Имя бога в мусульманской религии.*

*** Хамза - Родственник пророка Мухаммада, верблюдицу которого некий араб изувечил в припадке раздражения.*

Неправда, будто пост нарушил я затем,
Что рамазан * презрел, забыл о нем совсем;
О нет, от мук поста я света дня не взвидел,
Подумал: ночь еще, я ранний завтрак ем.

- 22 -

Суровый рамазан* велел с вином проститься;
Где дни веселые? О них нам только снится.
Увы, невыпитый стоит в подвале жбан,
И не одна нетронутая ушла блудница.

** Рамазан (рамадан) - Девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.*

Ты мрачен? Покури хашиш* - и мрака нет;
Иль кубок осуши - тоски пройдет и след.
Но стал ты суфием, увы. Не пьешь, не куришь,
Бульжник погрызи - вот мой тебе совет.

** Хашиш - Гашиш, наркотик.*

Сей караван-сарай, где то и дело день
Спешит, как гостя гость, сменить ночную тень, -
Развалины хором, где шли пиры Джамшидов*,
Гробница, где дает Бахрамам** спящим сень.

** Джамшид (Джам, Джемшид) - Имя легендарного древнеиранского царя, обладавшего чашей, на дне которой отражались события, происходящие в мире. В поэзии - символ величия и власти. "Чаша Джамшида" - символ мудрости.*

*** Бахрам Гур (Варахрам V, Байрам, Бехрам, Вихрам) - Сасанидский царь (420-438), прославленный охотник за онаграми (степными ослами), герой множества легенд, героических и романтических рассказов. Как историческая личность Бахрам V ничем особенно не знаменит, но в литературе он стал популярным персонажем, героем многих героических и романтических повестей и рассказов. Некоторые исследователи считают, что в образе литературного Бахрама произошла контаминация черт реального Варахрама и небесного воина-женюлюбца Веретрагны (в более позднем произношении "Бахрам"). Бахрам-Гуру посвящено значительное место в "Шах-намэ" Фирдоуси, о нем сложили поэмы Низами, Амир Хосров и другие выдающиеся поэты Ирана, Индии и Средней Азии. Как литературный персонаж Бахрам олицетворяет могущественного правителя, который проводил время, наслаждаясь любовью и вином.*

Мы в этот мир пришли вкусить короткий сон;
Кто мудр, из кабака тот не выходит вон.
Потоками вина туши огонь страданий,
Пока ты ветром в прах навеки не снесен.

Будь Аристотеля, Джемхура* будь мудрей,
Будь богдыхана** ты иль кесаря сильней,
Пей все равно вино. Конец один - могила:
Ведь даже царь Вихрам*** почил навеки в ней.

** Джемхур (Джамхур) - Прозвище мудреца Бузурджмихра, везира сасанидского царя Ануширвана (531-578).*

*** Богдыхан - Император Китая.*

**** Бахрам Гур (Варахрам V, Байрам, Бехрам, Вихрам) - Сасанидский царь (420-438), прославленный охотник за онаграми (степными ослами), герой множества легенд, героических и романтических рассказов. Как историческая личность Бахрам V ничем особенно не знаменит, но в литературе он стал популярным персонажем, героем многих героических и романтических повестей и рассказов. Некоторые исследователи считают, что в образе литературного Бахрама произошла контаминация черт реального Варахрама и небесного воина-женюлюбца Веретрагны (в более позднем произношении "Бахрам"). Бахрам-Гуру посвящено значительное место в "Шах-намэ" Фирдоуси, о нем сложили поэмы Низами, Амир*

Когда под утренней росой дрожит тюльпан,
И низко, до земли, фиалка клонит стан,
Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутоны свою полу, дремотой сладкой пьян!

У занимающих посты больших господ
Нет в жизни радостей от множества забот,
А вот подите же: они полны презренья
Ко всем, чьи души червь стяжанья не грызет

Жильцы могил гниют дни, месяцы, года,
Немало их частиц исчезло без следа.
Какой же хмель свалил их с ног и не дает им
Прийти в сознание до Страшного суда?

Джамшида* чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил - в моей душе она.

* Джамшид (Джам, Джемшид) - имя легендарного древнеиранского царя, обладавшего чашей, на дне которой отражались события, происходящие в мире. В поэзии - символ величия и власти. "Чаша Джамшида" - символ мудрости.

Старайся принимать без ропота мученья,
Не жалуйся на боль - вот лучшее леченье.
Чтоб стал ты богачом, за нищенский удел
Благодари светил случайное стеченье.

Я научу тебя, как всем прийтись по нраву:
Улыбки расточай налево и направо,
Евреев, мусульман и христиан хвали -
И добрую себе приобретешь ты славу.

Красой затмила ты Китая дочерей,
Жасмина нежного твое лицо нежней.
Вчера взглянула ты на шаха Вавилоня
И все взяла: ферзя, ладьи, слонов, коней.

Сядь, отрок! Не дразни меня красотой своей!
Мне пожирать тебя огнем своих очей
Ты запрещаешь... Ах, я словно тот, кто слышит:
"Ты кубок опрокинь, но капли не пролей!"

Закон незыблемый внушен сердцам людей,
Но сказано: "Ему покорствоваться не смей!"
Увы! Что делать мне с приказом и запретом:
"Ты чашу наклони, но капли не пролей!"

У мертвых и живых один владыка - Ты.
Кто небо завертел над нами дико? - Ты.
И тварь греховная, а Ты создатель мира;
Из нас виновен кто? Сам посуди-ка Ты!

Мне заповедь - любовь, а не Коран *, о нет!
Я - скромный муравей, не Сулейман **, о нет!
Найдете у меня лишь бледные ланиты,
И рубище, - не шелк и не сафьян, о нет!

* Коран - Священное писание мусульман, по легенде, ниспосланное Аллахом пророку Мухаммаду. Коран делится на суры (главы), а суры - на аяты, своего рода ритмические единицы (стихи).

** Сулейман - Библейский царь Соломон.

То не моя вина, что наложить печать
Я должен на свою заветную тетрадь:
Мне чернь ученая достаточно знакома,
Чтоб тайн своей души пред ней не разглашать.

Во мне вы видите чудовище разврата?
Пустое! Вы ль, ханжи, живете так уж свято?
Я, правда, пьяница, блудник и мужелюб,
Но в остальном - слуга послушный шариата *.

* Шариат - Совокупность правовых и религиозных норм мусульманства. Основные положения шариата зафиксированы в Коране, однако значительная часть шариата является результатом интерпретации Корана различными мусульманскими авторитетами.

За пьянство Господом не буду осужден:
Что стану пьяницей, от века ведал Он.
Когда бы к трезвости я сердцем был привержен,
Всеведенью Творца нанес бы я урон.

Скажи, ты знаешь ли, как жалок человек,
Как жизни горестной его мгновений бег?
Из глины бедствия он вылеплен, и только
Успеет в мир вступить, - пора уйти навек.

Я пью, - что говорить, но не буяню спьяну;
Я жаден, но к чему? Лишь к полному стакану
Да, свято чтить вино до смерти буду я,
Себя же самого, как ты, я чтить не стану.

Прошу вас Мустафе * мой передать привет
И так его спросить: "Зачем лежит запрет,
О мудрый хашимит **, на чистом соке гроздий,
Тогда как кислый дуг *** нам пить запрета нет?"

** Мустафа - Избранник; эпитет пророка Мухаммада.*

*** Хашимит - Здесь: Мухаммад (570-632) - основатель мусульманской религии - ислама.*

**** Дуг - Сыворожка, оставшаяся после сбивания масла; прохладительный напиток из сбитого кислого молока с водой или молочной сыворожки.*

Хайяму я прошу мой передать привет
И на вопрос его такой снести ответ:
"Неправда, что вино я запретил; лишь глупым
Оно запрещено, а умным - вовсе нет".

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь - удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пядь земли сырой.

На стенах Туса * я увидел утрем рано
Над мертвым черепом царя Кавуса ** - врана.
Он каркал: "Где они теперь, - увы, увы! -
Напевы бубенцов и крики барабана?"

** Тус - Город в Хорасане (Иран).*

*** Кей-Кавус (Кавус) - Царь из мифической династии шахов древних иранцев.*

Мы - цель и высшая вершина всей вселенной,
Мы - наилучшая краса юдоли бренной,
Коль мироздания круг есть некое кольцо,
В нем, без сомнения, мы - камень драгоценный.

Жизнь сотворивши, смерть ты создал вслед за тем,
Назначил гибель ты своим созданием всем.
Ты плохо их слепил, так кто тому виною?
А если хорошо, ломаешь их зачем?

На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а ты нас злом караешь;

Меж нами и тобой различья нет почти.

Не беспокойся! Путь начертан твой - вчера,
Страстям разрешено играть тобой - вчера.
О чем тебе тужить? Без твоего согласия
Дней будущих твоих уставлен строй - вчера.

Кувшин мой, некогда терзался от любви ты,
Тебя, как и меня, пленяли кудри чьи-то,
А ручка, к горлышку протянутая вверх
Была твоей рукой, вокруг милого обвитой.

- 25 -

В одной руке цветы, в другой - бокал бессменный,
Пируй с возлюбленной, забыв о всей вселенной,
Покуда смерти смерч вдруг не сорвет с тебя,
Как с розы лепестки, сорочку жизни брэнной.

Вопросов полон мир, - кто даст на них ответ?
Брось ими мучиться, пока ты в цвете лет.
Тут, на земле, вином создай эдем*, - в небесный
Не то ты попадешь, не то, мой милый, нет.

* Эдем - Рай. Благодатный уголок земли.

Да, жизнь без кравчего и без вина пуста,
Без нежных флейт твоих, Ирак, она пуста;
Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь,
Что жизнь - не будь утех - была б до дна пуста.

Одни о ереси и вере спор ведут,
Других сомнения ученые гнетут.
Но вот приходит страж и громко возглашает:
"Путь истинный, глупцы, лежит ни там, ни тут".

Мы больше в этот мир вовек не попадем,
Вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье, -
Его не подстеречь уж никогда потом.

О чистое вино, о сок лозы хмельной!
Я так тобой напьюсь и так сольюсь с тобой,

Что каждый, издали меня завидев, кликнет:
"Эй, дядя Хмель, куда ты путь направил свой?"

С тех пор, как взнуздан был скакун небес, а там,
Вверху, огни Плеяд зарделись по ночам,
Все, все предрешено в судилище предвечном,
И ничего в вину нельзя поставить нам.

Вот кубок! Не найти столь дивного другого.
Ему расцеловать чело душа готова.
Но брошен оземь он небесным гончаром,
Что вылепил его, - и глиной стал он снова.

Над лугом облако струит потоки слез...
Возможно ль миг прожить без сока пьяных лоз?
Зеленою травой любимся мы нынче,
А завтра - глядь! - из нас уж новый луг пророс.

О, если бы покой маячил нам вдали
И мы когда-нибудь к нему прийти б могли!
О, если бы в веках, как зелень луговая,
Мы расцвели опять из глубины земли!

- 26 -

Нас опрокинутый, как блюдо, небосвод
Гнетет невзгодами и тьмой лихих забот.
На дружбу кувшина и чаши полюбуйся:
Они целуются, хоть кровь меж них течет.

С кумиром пей, Хайям, и не тужи о том,
Что завтра встретишь смерть ты на пути своем,
Считай, что ты вчера уже простился с жизнью,
И нынче насладись любовью и вином.

Бегут за мигом миг и за весной весна;
Не проводи же их без песен и вина.
Ведь в царстве бытия нет блага выше жизни, -
Как проведешь ее, так и пройдет она.

С той горсточкой невежд, что нашим миром правят
И выше всех людей себя по званью ставят,
Не ссорься! Ведь того, кто не осел, тотчас

Они крамольником, еретиком ославят.

Те, у кого лежит к познанию душа,
Доят быков. Ах, жизнь для тех лишь хороша,
Кто в платье скудости духовной щеголяет, -
За мудрость не дают в дни наши ни гроша.

Ты к людям нынешним не очень сердцем льни,
Подальше от людей быть лучше в наши дни.
Глаза своей души открой на самых близких, -
Увидишь с ужасом: тебе враги они.

Не бойся, о Хайям, что ты заслужишь тут
Мученья вечные в аду за хмель и блуд.
Тому, кто не грешил, не будет и прощенья:
Лишь грешники себе прощение найдут.

Над нашей головой еще не грянул гром,
Давай же пить вино, покуда мы живем.
Ведь не лоза же ты, глупец; тебя из праха
Никто откапывать не вздумает потом.

К чему кумирен дым, светильники мечетей?
К чему про рай и ад все разговоры эти?
Наставницей-судьбой от века на доске
Начертан ход земных и неземных столетий.

Вина глоток один венца Китая стоит,
А целый кубок ста обетов рая стоит.
Ах, перед горечью пленительной вина
Что сладость вся твоя, о жизнь земная стоит?

- 27 -

Меня философом враги мои зовут,
Однако, - видит бог, - ошибочен их суд.
Ничтожней много я: ведь мне ничто не ясно,
Не ясно даже то, зачем и кто я тут.

О небо! К подлецам щедро твоя рука:
Им - бани, мельницы и воды арыка,
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба.

Такое небо - тьфу! - Не стоит и плевка.

Сладка ль, горька ли жизнь, - мы умереть должны,
И Нишапур* и Балх** для мертвого равны.
Пей! Много, много раз чередоваться будут
И после нас с тобой ущерб и рост луны.

* Нишапур (Нишабур) - Город в Хорасане, родина Омара Хайяма.

** Балх - Город на берегу Амударьи в современного Афганистане, столица древней Бактрии.

Нет благороднее растений и милее,
Чем черный кипарис и белая лилея.
Он, сто имея рук, не тычет их вперед;
Она всегда молчит, сто языков имея.

Никто не целовал розоподобных щек,
Чтоб не вонзил в него шипа тотчас ж рок.
Не должен ли стократ быть гребень,
Чтоб к нежным локонам он прикасаться мог?

Пустивший колесо небес над нами в бег
Нанес немало ран тебе, о человек!
Как много алых губ и локонов душистых
Глубоко под землей он схоронил навек.

Я в этот мир пришел, - богаче стал ли он?
Уйду, - великий ли потерпит он урон?
О, если б кто-нибудь мне объяснил, зачем я,
Из праха вызванный, вновь стать им обречен?

Что миру до тебя? Ты перед ним ничто:
Существование твое лишь дым, ничто.
Две бездны с двух сторон небытием зияют,
И между ними ты, подобно им, - ничто.

Мой друг, о завтрашнем заботиться не след:
Будь рад, что ныне нам сияет солнца свет.
Ведь завтра мы навек уйдем и вмиг нагоним
Тех, что отсель ушли за восемь тысяч лет.

Зависело б от нас, мы не пришли б сюда,
А раз уже мы здесь, - ушли бы мы когда?
Нам лучше бы не знать юдоли этой вовсе
И в ней не оставлять печального следа.

Мне друг, кто мне вина хотя бы раз поднес!
Оно янтарь ланит живи рубином роз.
Когда умру, мой прах вином, друзья, омойте
И опустите в гроб из виноградных лоз.

У тлена смрадного весь мир в плену:
Грешно ль, что я влекусь к душистому вину?
Твердят: "Раскаянье пошли тебе всевышний!"
Не надо! Все равно сей дар ему верну.

Меня у кабака вечерний час настиг.
И вижу: близ огня - увядшей розы лик.
"Поведай мне, за что сожгли тебя?" - спросил я.
"О, горе, на лугу я посмеялась миг!"

Где розы расцвели, там почву, что растит их,
Всю пропитала кровь царей, давно забытых;
А каждый лепесток фиалки темной был
Когда-то родинкой на розовых ланитах.

Глянь! Кровли сеть лучей владыка дня поймал
И, словно царь Хосров, налил вина в бокал.
Пей, ибо возвестил нам всем глашатай утра,
Что ночь уже прошла и новый день настал.

Меня, когда умру, вы соком роз омойте
И над могилою хвалу вину пропойте.
Где в судный день мой прах искать, я вам скажу:
Сады, вокруг кабаков цветущие, разroyте.

Когда придет мой час подстреленною птицей
К ногам твоим, о Смерть, затрепетав, свалиться.
Пусть вылепят кувшин из праха моего:
От запаха вина он к жизни возвратится.

Когда я молод был, все тайны бытия,
Казалось, я раскрыл. Ах, ошибался я!
Мне разум говорит: "Ты ничего не понял,
Бесплодной и пустой прошла вся жизнь твоя".

Сказал мне розан: "Я - Юсуф *, пришедший в сад,
Рубином, золотом уста мои горят". -
"Где доказательства, что ты Юсуф *?" - спросил я.
"Мой окровавленный, - ответил он, - наряд".

** Юсуф (Иосиф) - Библейский Иосиф Прекрасный, любимый сын Иакова. Согласно легенде, братья продали его в рабство в Египет, а отцу принесли окровавленную рубашку и объявили, что его задрал волк. Образ Юсуфа широко используется в персидско-таджикской литературе как символ красоты и жертвы предательства.*

Я - словно старый дуб, что бурю разбит;
Увял и пожелтел гранат моих ланит,
Все естество мое - колонны, стены, кровля, -
Развалиною став, о смерти говорит.

Капля стала плакать, что рассталась с морем,
Море засмеялось над наивным горем:
"Все я наполняю, все - мое владенье,
Если ж мы не вместе - делит нас мгновенье".

Все переводы рубаи, а так же статьи и книги Омара Хайяма читайте на сайте
omarhajam.ru
